

Эндрю Хакер

ПРАВДА О КОЛЛЕДЖАХ¹

Росс Грегори Даузет. Привилегия: Гарвард и образование правящего класса. Hyperion. — 288 с.

Патрик Оллитт. Я — учитель, ты — студент: Семестр в университетской аудитории. University of Pennsylvania Press. — 244 с.

Кен Бейн. Что делают лучшие университетские преподаватели. Harvard University Press. — 207 с.

Дженнифер Уошбурн. Университет, Inc.: Корпоративная коррупция в высшем образовании Америки. Basic Books. — 326 с.

357 лучших колледжей. 2005. Princeton Review. Random House. — 802 с.

Справочник по американским колледжам: 2005. Barron's Educational Series. — 1669 с.

Высшее образование в Америке уже не является привилегией элиты: в настоящее время более семи миллионов человек учатся в примерно 2600 колледжах и университетах, предоставляющих степени бакалавра и выше. В 2002 г. — последнем, по которому имеются точные данные, — 1 291 900 студентов получили дипломы бакалавра и 606 958 закончили аспирантуру. Особого внимания заслуживает последняя цифра: она говорит о том, что почти половина тех, кто кончает вузы, считают, что степени бакалавра недостаточно для достижения поставленных ими жизненных целей.

Произведенный в прошлом году анализ результатов переписи населения показывает, что среди людей в возрасте 30–35 лет только 41% тех, кто, закончив школу высшей ступени, не поступил в колледж. Выпускники таких школ, не поступившие в колледж, представляют собой постоянно уменьшающуюся часть населения. Другие 32% получили по меньшей мере степень бакалавра, а 27% провели какое-то время в кампусе — были учащимися муниципальных колледжей (community colleges) либо, проучившись четыре года, не получили дипломов. С другой стороны, эти цифры свидетельствуют о довольно высоком проценте отсева. Кроме того, многие колледжи муниципального уровня не предоставляют своим студентам ничего, кроме поверхностных курсов.

Утверждение, что шесть из десяти американцев в возрасте 30 лет с небольшим имеют тот или иной опыт учебы в колледже, нуждается

¹ Источник: <http://www.nybooks.com/articles/18401>. (пер. с англ. И. Фридмана)

в дополнительной проверке. Этот опыт может варьировать в широком диапазоне — от углубленных семинаров по философии в Colgate до лекций по менеджменту в мотелях в Southwest Missouri State. Некоторые колледжи имеют строгие обязательные «программы-минимум», в других студенты вольны выбирать из огромных каталогов любые предметы с целью прослушать в общей сложности 128 часов, что дает право на получение степени бакалавра. Reed College в Орегоне ограничивает конкурс 1312 студентами, тогда как в Michigan State University поступивший студент может быть одним из 34 617 соискателей.

1

В системе высшего образования реально существует немало учебных заведений, открытых для всех, кто желает получить степень бакалавра и может за это заплатить, и многим колледжам приходится прилагать большие усилия, чтобы привлечь студентов. В исследовании, опубликованном в этом году, Джеймс Фоллоуз приходит к выводу, что «для всех, за исключением десяти или двадцати самых богатых университетов, важная часть менеджмента по набору студентов состоит просто в обеспечении условий для того, чтобы осенью каждого года набиралось достаточное количество студентов, готовых оплатить обучение».^[1]

Princeton Review, коммерческая организация, не имеющая связей с университетами, предоставляет полезную информацию о том, что она называет «357 лучшими колледжами» страны. В обзоре сообщается, что такие престижные, хотя и не самые известные высшие школы, как Creighton, Duquesne и Evergreen State, принимают по меньшей мере 85% соискателей. Но во многих американских семьях легкий доступ к университетскому образованию не воспринимается как положительный фактор. Напротив, родители все чаще инвестируют деньги и энергию в то, чтобы обеспечить своим детям поступление в престижный и действительно хороший колледж.

Росс Даузет откровенно пишет об этих усилиях в своих воспоминаниях о студенческой жизни в Гарварде в 2002 г. в книге «Привилегия: Гарвард и образование правящего класса»: «Люди посылают своих детей в Гарвард прежде всего потому, что они хотят, чтобы их отпрыски преуспели в жизни». И первым признаком их успехов будет колледж, в который они поступят. Когда друзья спрашивают: «Где учатся ваши дети?» — родители хотят дать ответ, который вызовет «поздравительные улыбки»; количество учебных заведений, способных вызвать такую реакцию, сравнительно невелико. В самом деле, люди могут припомнить, что слышали что-то, скажем, о Carleton и Grinnell; но они не считают их первоклассными высшими учебными заведениями. Как пишет Даузет, амбициозные родители не хотят, чтобы их дети довольствовались хорошим при наличии наилучшего. Региональная верность сменилась растущей мощью горстки национальных имен-брендов. Невропатолог из Tulsa, который сам закончил Oklahoma State, теперь желает, чтобы его дочь училась в Dartmouth или Duke, а вице-президент компании Procter & Gamble, который закончил Lehigh, теперь хочет рассказывать знакомым о сыне, который учится в Стэнфорде.

По моим личным наблюдениям, родительский список наиболее престижных вузов состоит примерно из пятнадцати названий. В табл. 1 указаны названия двенадцати таких вузов, и, надо сказать, некоторые из них оправдывают свой высокий рейтинг.^[2] Прежде всего, в некоторые институты не так просто поступить, что и не удивительно. В этом плане первыми в списке стоят Гарвард и Принстон, которые принимают только 10% абитуриентов, последним числится Duke, принимающий одного из четырех. В общей сложности члены приемных комиссий этих институтов рассмотрели в прошлом году 171 824 заявления, отвергнув из них 145 962; таким образом, рейтинг поступления составил около 15%. Эти цифры не являются секретом: они сообщаются в путеводителях и справочниках, хорошо известных в школах высшей ступени. Таким образом, 18 628 студентов, желающих поступить в Стэнфорд, заранее знают, что только один из десяти абитуриентов добьется успеха. Даже при таких условиях тысячи готовы попробовать. Со своей стороны колледжи стараются не обескураживать абитуриентов, поскольку большой конкурс и высокий уровень отказов повышают их статус в рейтингах, публикуемых в *US News & World Report* и других изданиях.

Конечно, общую цифру 171 824 следует рассматривать как весьма условную. Ни для кого не секрет, что в этом беспокойном возрасте некоторые выпускники школы нередко подают документы в десять и более вузов. Это создает неразбериху, неблагоприятную как для студентов, так и для приемных комиссий. Поэтому принимаются меры для предварительного отсева. Например, многие колледжи требуют, чтобы абитуриенты написали сочинение, которое, как они надеются, покажет, какими качествами обладает абитуриент в плане ясности мысли, креативности и других способностей; все эти сочинения сдаются в установленной форме и внимательно читаются. (Типичная тема: «Назовите пять книг, которые вы взяли бы с собой на шесть месяцев на необитаемый остров».) Ежегодно примерно 10 000 абитуриентов, поступающих в двенадцать наиболее престижных вузов, получают право учиться более чем в одном вузе.

Отсюда возникает второй критерий престижности: какое количество из формально принятых студентов действительно поступает в тот или иной вуз. Здесь Гарвард снова лидирует с рейтингом 78%. Интересно, что даже в Amherst, Duke и Williams реально зачисляются менее половины формально принятых, из чего следует, что эти колледжи должны набрать два класса, чтобы заполнить один. (Многие другие вузы почитают за счастье, если реально зачисляется треть формально принятых.) Эти цифры могли бы быть еще более настораживающими, если бы некоторых студентов не зачисляли по тем или иным причинам предварительно, еще до начала основного конкурса.

Третий способ ранжирования колледжей — по учету результатов SAT, Scholastic Assessment Test, школьного оценочного теста, который представляет собой стандартизованную систему оценки уровня подготовки выпускников школ высшей ступени и о котором высказываются разные мнения. Princeton Review сообщает, что

требуется некий минимум баллов, полученных по системе SAT, чтобы попасть в первую четверть абитуриентов, которая имеет наилучшие шансы поступить в институты. Среди двенадцати наиболее престижных вузов разброс в необходимом рейтинге по системе SAT не так уж велик: от 1590 в Гарварде до 1500 в Brown. Эти цифры, также широко известные, служат ориентиром и для других колледжей, таких как Northwestern (1480), Emory (1460) и Vanderbilt (1430), которые стремятся получить общенациональное признание. В надежде достичь порога 1500 очков они завлекают выпускников, предлагая поучаствовать в конкурсе даже тем, кто об этом не просит. Vanderbilt специально засылал «вербовщиков» в школы высшей ступени с большим процентом учащихся-евреев.^[3]

Многие считают, что придавать большое значение баллам, набранным по системе SAT, неразумно и несправедливо, поскольку высокие рейтинги по этим тестам свидетельствуют лишь о поверхностной «нахватанности» выпускника и не отражают других его качеств, тем более что при поступлении в вуз учитываются не только эти баллы. В частности, абитуриентов просят представить характеристику из школы, перечень интересов, а также сочинение. Представим себе, что происходит в вузе типа Йеля, куда в прошлом году подали заявления 17 735 абитуриентов. Когда все их данные были приняты и зарегистрированы в компьютере, против фамилии каждого абитуриента значился его рейтинг по SAT, вследствие чего поступающие располагались в списке в порядке убывания количества заработанных очков. Очевидно, при принятии решения о зачислении будут учтены и другие факторы и некоторые абитуриенты с высоким рейтингом по SAT не добьются конечного успеха, но процесс поступления организован на основе рейтинга, и это означает, что многие другие качества абитуриентов могут быть проигнорированы. И все же, если вы сталкиваетесь с проблемой классификации 17 735 заявлений, что может быть лучше для начала?

Стоимость обучения в том или ином колледже также играет свою роль. Первые двенадцать вузов взимают примерно одинаковую плату за обучение, несмотря на различия в финансировании и в местных ценах на рынке труда. Если между вузами и нет прямой договоренности, то дело выглядит так, что достигнут определенный консенсус — не вступать в конкуренцию по стоимости обучения. Гарвард, в фонде которого \$23 миллиарда, может себе позволить принимать больше «бедных, но умных» студентов, чем другие вузы, но в администрации этого вуза вам скажут, что цель состоит в получении полной оплаты обучения от родителей, которые могут себе это позволить — с тем чтобы затем использовать часть этих денег на помощь менее состоятельным студентам. В конечном итоге половина студентов Гарварда получает ту или иную помощь. Но следует отметить, что «бедность» в данном случае — весьма условное понятие, и помощь нередко предоставляется также и тем студентам, семейный доход которых исчисляется шестизначными цифрами. И все же материальное положение «золотой дюжины» вузов, за исключением

MIT (Мичиганский технологический), таково, что полную стоимость обучения должна оплачивать *по меньшей мере половина* принимаемых абитуриентов. В результате студенты, чьи родители могут платить полную стоимость обучения, будут иметь очевидные преимущества при поступлении.^[4]

То, что Даузет рассказывает о Гарварде, относится и к другим колледжам, входящим в «золотую дюжину». По словам Даузета, его сокурсники выпуска 2002 г. были «весьма привилегированной группой, отобранной из самых мобильных анклавов страны и имеющей родителей с туго набитыми кошельками». По его оценке, 70% его товарищей происходили из семей с доходом, превышающим \$100 000 в год, а многие были еще богаче. Официальная версия гласит, что образование в вузах, входящих в Лигу плюща, открыто для талантливых молодых людей независимо от доходов и происхождения. Даузет говорит, что такое редко происходит на практике: «Меритократия — это идеологическая обманка, а социальная и экономическая стратификация — это реальность».

Заголовок книги Даузета — «Привилегия» — объясняет, каким образом большинство его будущих сокурсников попало в верхнюю часть списка по приему в престижный институт. Подготовительные школы, в которые посылали их родители, занимались целенаправленным натаскиванием с учетом особенностей каждого из вузов, входящих в «золотую дюжину», и снабжали их полной информацией о том, как работают университетские приемные комиссии. Оказавшись в колледже, они использовали такого рода знания для того, чтобы «уклоняться от серьезной академической работы» и «маневрировать с целью достижения максимального GPA (Grade Point Average, усредненного балла, оценивающего успеваемость студента в целом. — Прим. пер.) при наименьшей затрате усилий». На мой взгляд, этот «дискурс» говорит больше о Даузете и его сотоварищах, чем о гарвардских учащих в целом. Все те студенты, аспиранты и выпускники Гарварда, с которыми мне довелось общаться, вспоминали об интеллектуально насыщенных курсах, занимаясь на которых они затрачивали даже больше усилий, чем требовалось. Но как бы то ни было, почти все выпускники Гарварда получают дипломы степени А, и большинство из них проходят в дальнейшем дополнительное профессиональное обучение и затем быстро продвигаются по карьерной лестнице. Бенджамин Демотт заметил недавно на страницах данного издания, что определенными привилегиями при приеме в престижные вузы пользуются и спортсмены.^[5] Хотя элитные университеты спонсируют преимущественно футбол и баскетбол, они резервируют еще большее количество мест для составления сильных команд по таким видам спорта, как лыжи, гольф, регби, гребля, сквош, лакрос и гонки под парусом; это как раз те виды спорта, в которых трудно совершенствоваться, если не поступить в хорошо спонсируемый университет. Некоторые наиболее продвинутые родители советуют своим детям забросить учебники и тетради и записаться в команду по сквошу.

Много копий было сломано по поводу «наследования» («legacies») — предпочтения, которое оказывалось в процессе отбора сыновьям и дочерям выпускников данных вузов. Все знают, что Гарвард, Йель и Принстон принимают от 30 до 40% абитуриентов из числа «наследников», что составляет 10–11% от всех остальных. Но мало кто задумывается над тем, что от 60 до 70% отпрысков бывших выпускников получают отказ в alma mater их родителей. Это не такая уж маленькая доля, и этот факт противоречит общепринятому представлению о том, что унаследованные привилегии становятся правилом. Это означает, что большинство тинейджеров, чьи родители закончили Стэнфорд или Йель, на самом деле будут учиться в менее престижных университетах. Хотя это и не трагедия, но все же некоторое понижение статуса. Более того, многие из тех, кто воспользовался привилегией «наследования», не достигают ни уровня доходов, ни профессионального положения своих родителей. Здесь, как и везде, прогресс идет рука об руку с регрессом: это факт социальной жизни. И прямо сейчас в Boston College и Iowa State учатся студенты, которые превзойдут в карьерном росте своих соперников, начавших свой путь в Dartmouth и Williams^[6].

В последние десятилетия произошли заметные изменения контингента студентов университетов «золотой дюжины». Самым важным фактором следует считать, пожалуй, появление студентов азиатского происхождения. Хотя они составляют менее 4% от общего количества студентов в Америке, их доля достигает 35% от выпускников MIT, 27% от выпускников Стэнфорда, 20% от выпускников Колумбийского университета и Репп и 18% от выпускников Гарварда. Большинство из этих студентов было принято исключительно в силу их личных качеств, и многие из них достигают успехов в научно-технической сфере и в математике. Следует отметить, что почти никто из них не пользуется привилегиями «наследования» и не попадает в университеты благодаря достижениям в сквоше или водном поло.

Хотя во всех рецензируемых книгах рассматривается вопрос о качестве университетского контингента с учетом результатов рейтингов, в частности GPA, никто не приходит к выводу, что по этим показателям азиаты в академическом отношении выше, чем их сокурсники, принадлежащие к другим этническим группам. Никто не бьет тревогу и по поводу того, что их прием оставляет меньше шансов на поступление для белых и что с каждым годом в самых престижных кампусах становится все меньше белых лиц. Этот поворот произошел стремительно и внезапно; менее двадцати лет назад количество азиатов составляло в процентном отношении всего половину от нынешнего. В некотором смысле азиаты оказались в положении, похожем на то, в каком находились ранее евреи^[7]. Родители и вузовские преподаватели задаются вопросом, не отвергаются ли некоторые хорошо подготовленные абитуриенты-азиаты из опасения, что тот или иной университет станет выглядеть «слишком азиатским». Довольно большое число абитуриентов азиатского происхождения

считает, что при приеме в вузы к ним предъявляют завышенные требования; они жалуются, что члены приемной комиссии не осознают, что азиаты могут быть столь же гетерогенны, как и другие группы^[8].

Во всех рецензируемых книгах звучит одна и та же жалоба: слишком многие профессора (возможно, большинство) работают со студенческой аудиторией посредственно, без особой самоотдачи. Студенты склонны согласиться с этим мнением. Princeton Review предложила студентам последнего курса 357 университетов оценить своих преподавателей в соответствии с тем, насколько верно по отношению к ним утверждение «Мои профессора умеют вдохнуть жизнь в изучаемый материал». Табл. 2. показывает, как ответили студенты на этот вопрос. Как видим, наибольшее удовлетворение качеством преподавания наблюдается в колледжах, где количество поступающих относительно невелико и где не реализуются специальные программы по привлечению выпускников школ; эти колледжи не обязательно общеизвестны. Как видно из таблицы, самые низкие оценки качества преподавания (см. правую колонку) выставили студенты последних курсов больших, широко известных университетов, в которых ведется серьезная научная работа. Более пристальный анализ этих данных показывает, что в вузах с высокими показателями такого рода учатся в целом всего 12 388 студентов, в то время как вторая колонка, где рейтинги качества обучения ниже, отражает опыт 150 532 студентов.

2

Патрик Оллитт, профессор американской истории в Emory University, опубликовал дневник, в котором отражено, как он день за днем проводит свои занятия по американской истории. Большая часть книги «Я — учитель, ты — студент» (*I'm the Teacher, You're the Student*) посвящена тому, как автор преподает те или иные темы. («Сегодня лекция о фермерстве»). Хотя у него 39 студентов, в книге слышен преимущественно его голос. Задавая вопросы, он, как правило, получает лаконичные ответы, которые обычно оценивает как неполные, если не совершенно неудовлетворительные. Мы получаем некоторое представление о его интеллектуальной чувствительности из итогового вопросника, который посвящен преимущественно датам (В каком году Уэнделл Уилки баллотировался на пост президента?), местам (битва при Little Big Horn), именам (автор «Джунглей»), идентификациям (Кто такие Rough Riders?) и включает вопрос, требующий ответа, укладывающегося в один абзац (Оказался ли успешным Новый курс Рузвельта?). Затем профессор Оллитт приводит некоторые одиозные ошибки своих студентов (Джон Кеннетт Гэлбрейт попытался убить Генри Клея Фрика.) Хотя в конечном итоге у него все студенты получают хорошие оценки — от В и выше.

В заключительной главе Оллитт жалуется на то, что по меньшей мере четверть его студентов не имеют склонности к истории, не умеют выявлять связи между событиями, не улавливают изменений исторической ситуации, не хотят делать черновую работу, пренебрегают чтением и не хотят писать даже под страхом смертной казни.

Такова, если верить Оллитту, ситуация в Emory, который занимает в рейтинге *US News & World Report* двенадцатое место среди «лучших национальных университетов», опережая Беркли, Джорджтаун и Нью-Йоркский университет. Студенты, обучающиеся в Emory, имеют высокие показатели по SAT и, судя по всему, учились в старших классах школы с большим прилежанием. Тем не менее профессор Оллитт ни на секунду не задумывается над тем, как он сам мог бы стимулировать интерес студентов к своему предмету. Если преподаватель приходит к выводу, что его ученики «не имеют склонности» к истории своей страны, значит, что-то не так с ним самим: ведь людям свойственно интересоваться прошлым, продуктом которого они являются.

Кен Бейн, который руководит Центром повышения квалификации преподавателей при Нью-Йоркском университете (NYU's Center for Teaching Excellence), знакомит нас с 33 профессорами, которые год за годом получают высокие рейтинги от своих студентов. Все преподаватели, с которыми он встречался, из университетов самых разных рангов — от Стэнфорда и Northwestern до неназванного «новообразованного колледжа в Оклахоме» — глубоко преданы обучению старшекурсников. Книга «Что делают лучшие университетские преподаватели» по большей части состоит из описания методик и технических приемов, используемых ими на занятиях. У некоторых из них весьма высокие цели: «Я хочу, чтобы студенты почувствовали себя так, будто они изобрели счет». Другие следующим образом формулируют свое кредо: «В моем классе нет такой вещи, как глупый вопрос». И все же, прослушав многие профессорские рассуждения о своей работе и поговорив со многими их студентами, я бы воздержался от излишнего восхваления. В недавно проведенном исследовании установлено, что только 24% опрошенных профессоров допустили, что их курсы требуют запоминания чрезмерного количества данных, в то время как 64% их студентов полагают, что дело обстоит именно так^[9].

Книга Бейна много выиграла бы, если бы сопровождалась DVD хотя бы для того, чтобы читатель убедился, что это действительно необыкновенные преподаватели. Хорошо было бы увидеть их в действии: на лекциях перед большой аудиторией, на занятиях в классах среднего размера или ведущими семинар. Например, одна из бейновских преподавательниц напоминает нам, что «студенты находятся на разных уровнях, и не все схватывают смысл объяснения одновременно». Поэтому она ищет — и находит — способы «ставить перед разными людьми разные задачи». Она полагает, что это можно сделать на одном занятии: предложить более слабым студентам ряд идей для размышления и одновременно показать более сильным, что в теме есть и более запутанные узлы. Когда занятие удастся построить таким образом, студенты обеих групп узнают что-то новое и, возможно, согласятся, что курс прошел не даром. Из представленных в книге обзоров невозможно понять, что на самом деле узнали студенты, но создается впечатление, что эту преподавательницу

отличает более творческий подход к делу, чем это наблюдается у многих ее коллег.

Бейн никогда не спрашивает у профессоров, которых он изучает, об их собственных исследованиях и печатных работах. В некоторых небольших колледжах многие члены кафедр больше не публикуют ни книг, ни научных статей по своему предмету, и их деканы не видят в этом большой проблемы. Традиционный довод таков: если профессор проводит самостоятельные исследования, это повышает качество его преподавания, поскольку ему приходится в этом случае быть в курсе новейших достижений в своей области знаний. Бейн вовсе опускает эту тему — возможно, потому, что обычно студентам последнего года обучения всего 19 лет и они многое получают от профессора в любом случае, независимо от его нынешней творческой деятельности.

Эндрю Дельбанко заметил на страницах этого издания, что студенты последнего года обучения получают образование главным образом на университетских занятиях^[10]. В самом деле, Фонд Карнеги за усовершенствование преподавания (Carnegie Foundation for the Advancement of Teaching) установил, что семь из восьми кандидатов на получение степеней BA или BS занимаются в кампусах, где работают преданные своему делу преподаватели, чьи усилия редко вознаграждаются в должной мере, в то время как престиж и высокая зарплата достаются профессорам, которые сосредотачивают все усилия на собственных исследованиях, семинарах для аспирантов, публикациях и укреплении своей репутации. Как замечает Стэнли Кац, профессор общественных отношений в Принстоне, в университетах доминируют «профессора, для которых проблема обучения студентов просто не стоит на повестке дня»^[11].

В результате лишь в немногих университетах разрабатываются серьезные базовые индивидуальные планы занятий для студентов-выпускников. Есть, правда, и исключения, такие, как Колумбийский и Чикагский университеты, где поощряются дискуссии о том, что значит быть образованным человеком. Другие университеты менее притязательны в этом отношении. Например, Гарвард требует, чтобы все студенты записались на курс «Математическое доказательство» (Quantitative Reasoning). На первый взгляд такой подход кажется многообещающим; не может быть сомнений в том, что это действительно важно — владеть, например, умением строить математические модели, скажем, прогнозов глобального потепления или стоимости медицинского обслуживания в будущем. Однако гарвардские требования легко удовлетворить путем избрания одного из 19 стандартных курсов, уже имеющихся в каталоге, включая такие, как функции многочленов или линейная алгебра.

Университеты, в которых проводятся серьезные научные исследования, также прилагают мало усилий для того, чтобы привлечь старшекурсников к обучению студентов первого и второго курсов. И если они в этом не заинтересованы (как оно часто и бывает), вряд ли у них получится что-нибудь путное.

На обложке книги Дженнифер Уошбурн «Университет, Inc.: Корпоративная коррупция в американском высшем образовании» изображена академическая шапочка с плоским квадратным верхом, к которой прикреплена табличка «Продано». Эта книга ценна деталями, но нарисованная в ней общая картина всем знакома. Фармацевтические компании перепоручают необходимые им исследования медицинским вузам, получая тем самым контроль над ними: они имеют возможность воспрепятствовать публикации результатов, неблагоприятных для сбыта их продукции. Колледжи рассматриваются как фабрики по производству «корочек», которые можно купить сравнительно дешево, записавшись на не требующие усилий курсы, проводимые коррумпированными профессорами. Университетские услуги рекламируются на рынке при помощи слоганов, позаимствованных у Madison Avenue: вузы взапуски соревнуются в подкупе студентов, поражая их воображение предоставлением невероятного размера джакузи и спортивной стенки высотой с пятиэтажный дом. Конечно, я согласен, что в университетской жизни имеют место такие явления, как коррупция и коммерциализация. Но я не уверен, что если университеты «продают себя» (или распродают), то они делают это из тех соображений, которые приписывает им Дженнифер Уошбурн.

Например, она говорит, что «объятия бизнеса» сказываются и на преподавании, «изменяя также и его предмет», ссылаясь при этом на один государственный университет, где недоходные «программы, дающие право на получение степени по классической филологии, немецкому и французскому языкам, а также некоторые другие гуманитарные программы были ликвидированы». Президент этого университета сказал ей, что эти предметы «дают знания, которые никогда не понадобятся». Услышав такое в первый раз, можно прийти в ужас. Но если говорить начистоту, то в книге следовало указать, что преподаватели этих дисциплин продолжают работать; на самом деле Университет Джорджа Мейсона (а речь идет именно о нем) и по сей день предлагает 92 курса в гуманитарных областях, включая такие, как «Эпоха Гете», «Средневековая французская литература» и «Греческая и римская комедия». Было бы лучше, если бы автор книги поинтересовался, почему из зачисленных в этот университет 17 102 студентов очень немногие пожелали специализироваться в гуманитарных науках. Стандартный ответ на этот вопрос таков: будучи сугубо практичными, нынешние студенты хотят получить степень не по «наукам о духе», а по бизнесу или компьютерному программированию. Тем не менее нельзя исключать и того, что профессора не приложили достаточных усилий, чтобы сделать свои предметы интересными для более широкого круга студентов. Это может быть сделано без снижения научных стандартов или облегчения проблематики; и для этого не обязательно прибегать к арсеналу средств шоумена. Что действительно необходимо, так это преданность своему делу — делу обучения студентов, каковая черта нечасто бывает присуща преподавателям исследовательских институтов и тем, кто стремится приобрести этот статус.

По мнению Дженнифер Уошбурн, университеты губит коммерческая деятельность, благодаря которой они превратились в огромные исследовательские империи, нуждающиеся в постоянном впрыскивании денежных средств на поддержание своего персонала и дополнительные расходы. Между тем стоило бы обратить внимание и на другие факторы. Данные, полученные недавно Национальным центром статистики в сфере образования (National Center for Education Statistics), показывают, что служащие, не являющиеся преподавателями, составляют 71% от всего персонала в Стэнфорде, 73% — в Колумбийском университете и 83% — в Гарварде^[12]. Многие из этих людей ведут исследования. Но еще большую часть этого персонала составляют консультанты, финансисты, землеустроители, юристы, охранники, менеджеры по приему абитуриентов и тренеры.

Медицинские вузы, существующие при этих университетах, являются в этом смысле самым наглядным примером. Рассматриваемые просто как колледжи для практического обучения медиков, они по большей части очень невелики. Например, Hopkins Medical School насчитывает только 482 студентов, меньше, чем учится на первом курсе в Williams. Тем не менее на их обеспечение университет получает \$364 миллиона из федерального фонда исследований, хотя эти издержки имеют лишь косвенное отношение к медицинскому образованию^[13]. В дополнение к федеральным деньгам медицинский вуз подает заявки на гранты от компаний, фондов и благотворительных организаций. В целом по всей Америке в университетских медицинских вузах и больницах насчитывается 112 000 студентов и других резидентов. За обучение этого контингента студентов получают зарплату 137 000 профессоров — более чем по одному на каждого студента^[14]. Большинство из этих учебных заведений почти (или совсем) не занимаются образованием, но работают над исследованиями, оплачиваемыми через гранты и контракты, финансируемые правительством или частными компаниями и фондами.

Мюррей Спербер, профессор английского языка и литературы в Indiana University и автор нескольких книг об университетском спорте, предложил университетам избавиться от своих исследовательских факультетов, дав им возможность стать совершенно независимыми учреждениями со своим менеджментом, бюджетом и новым названием. Такие учреждения, как Rand Corporation, Brookings Institution и SRI International, проводят серьезные исследования, не имея прямых связей с академическими структурами. Фактически SRI возник как подразделение Стэнфордского университета (SRI — Stanford Research Institute), но обрел самостоятельность в 1970 г. По мнению Спербера, подобные организации могут заключать контракты с бизнесом, военным ведомством, даже с секретными агентствами на условиях своих клиентов, нимало не беспокоясь о том, чтобы соответствовать академическим стандартам^[15].

Но зачастую отсутствие заботы об образовании коренится в самих институтах. С 1980 г. средняя стоимость обучения в частных колледжах возросла более чем в двое: с \$10 954 до \$23 505 в сегодняшних

долларах. Университеты запрашивают столько, сколько может выдержать рынок, и, поскольку абитуриенты, судя по всему, готовы платить, количество поступающих в вузы не сократилось. Бостонский университет запрашивает \$28 906, Университет Южной Калифорнии \$28 827 — почти столько же, сколько самые знаменитые университеты. Но какой процент от этих денег тратится собственно на обучение? Будет ли каждый студент этих вузов иметь возможность принимать участие в семинаре в каждом семестре?

Нетрудно показать, что большая часть денег, взимаемых за обучение, тратится на расширение руководства факультетов: увеличивается количество привилегированных персон, растет и их зарплата. За последние двадцать лет в Гарварде списочный состав полных профессоров вырос с 533 до 777, в Колумбийском университете — с 462 до 589 и в Duke — с 284 до 399, в то время как количество поступающих студентов осталось практически неизменным. В табл. 3 приведены данные о том, насколько выросла заработная плата полных профессоров в реальном исчислении и какой процент она составляет от общего бюджета факультетов. В масштабе всей страны в 115 колледжах и университетах полные профессора получают в среднем более \$100 000 в год, в том числе и в таких маленьких вузах, как Hamilton и Colby^[16]. 41 государственный институт платит полным профессорам более \$100 000, несмотря на прорехи в государственном финансировании. Если такими темпами растет зарплата профессоров государственных вузов, то что происходит в этом плане в «частном секторе»? Из табл. 3 видно, что там на оплату полных профессоров тратится на сегодняшний день львиная доля институтских бюджетов.

При таком положении дел мерой престижности того или иного университета становится то, насколько мало педагогической работы требуется там от профессоров, занимающих постоянные штатные должности (tenured professors). Хотя профессорская верхушка занимает самые высокооплачиваемые места, большая часть студентов реально учится сейчас у аспирантов-ассистентов, адъюнкт-профессоров и преподавателей, работающих на неполной ставке, которые никогда не продвинулись по карьерной лестнице. Некоторые из них даже имеют полную нагрузку за треть от тех \$100 000, которые штатные профессора получают даже в том случае, если они вообще не преподают. К сожалению, именно благодаря такой «экономии» (на истинных тружениках педагогики) становятся возможными зарплаты полных профессоров, выражающиеся шестизначными цифрами.

Факультет математики Принстонского университета являет собой крайний пример такого рода, но тем он и интересен: из него видно, каковы на самом деле академические приоритеты. В нем числятся 56 членов факультета, имеющих профессорское звание, которые отвечают за обучение 55 студентов-старшекурсников и 30 других студентов, специализирующихся по математике. Простой арифметический подсчет показывает, что даже если прибавить курсы, которые

проводятся для студентов, не специализирующихся по математике, некоторые профессора за весь семестр ни разу не удостоят своим посещением учебную аудиторию. Несомненно, они скажут, что заняты исследованиями. Но даже на самых престижных факультетах есть немало членов кафедр, которые по большому счету перестали публиковаться, получив постоянную должность штатного профессора.

В то время как другие организации — такие, как коммерческие корпорации, — всеми силами стараются сократить количество людей на верхушке иерархии, высокооплачиваемая профессорская элита превышает по численности группу преподавателей менее высокого ранга, и часто с большим отрывом; на них, как уже говорилось, уходит львиная доля всего институтского фонда заработной платы. В вузах, фигурирующих в табл. 3₁ полные профессора «оприходуют» свыше 79% всего фонда заработной платы. В большинстве таких институтов заработок полных профессоров превышает заработок профессоров-ассистентов в большей пропорции, чем это имело место двадцать лет назад. По закону полные профессора могут, если пожелают, оставаться на своей должности сколь угодно долго. В 1983 г. в кампусах Северной Каролины лишь 34% постоянных членов кафедр были моложе 40 лет. К 2003 г. эта доля снизилась до 18%. Из 22 профессоров одного экономического факультета только один был моложе сорока^[17]. Эта тенденция представляется по меньшей мере столь же тревожной, как и корпоративные контракты в медицинских вузах.

Приходится констатировать, что в национальном масштабе слишком мало студентов получают то образование, о котором они мечтают и которого заслуживают. Проще всего ответить в том духе, что студенты должны винить в этом только самих себя; нам часто приходится слышать об их карьеризме и практицизме, нередки и замечания типа тех, которые делает Даузет: студенты озабочены тем, чтобы приложить как можно меньше усилий для получения диплома. Постоянно звучат жалобы профессоров на апатию студентов, на плохую посещаемость и безразличие к получаемым заданиям.

Тем не менее мои личные наблюдения убеждают меня в том, что молодые люди «университетского возраста» обладают достаточно высокой интеллектуальной любознательностью и обязательно отзовутся на усилия тех преподавателей, которые сумеют их «расшевелить». Это происходит, например, во многих независимых колледжах свободных искусств, где профессора почитают своей главной обязанностью заинтересовать старшекурсников. Я посетил многие такие вузы и видел, как атмосфера поощрения самостоятельного мышления затрагивает всех студентов, включая тех, кто поступил в институт благодаря спортивным успехам или другой неакадемической деятельности. Хотя многие члены кафедры не занимаются самостоятельными исследованиями, они работают вместе над совершенствованием общих программ обучения. И у меня нет сомнения в том, что 322 791 студент, обучающийся в этих колледжах,

не отличается по своим природным качествам от миллионов, запросы которых игнорируются в мегакампусах. Я убежден также и в том, что, несмотря на существенные различия в финансировании и фондах заработной платы, в Coe College в Айове, Whitman College в Вашингтоне и Knox College в Иллинойсе можно получить столь же хорошее образование, как и в самых престижных колледжах типа Williams и Swarthmore.

Студент, специализирующийся на производстве пива в University of Arizona, может защитить диссертацию о Мольере в Oregon's Lewis & Clark College. Многие преподаватели знают, как поднять уровень обучения студентов. Вопрос только в том, произойдет ли их встреча с большой студенческой аудиторией, которая так в этом нуждается. Тенденции, наблюдающиеся сегодня в высшем образовании, внушают уныние: надежды на то, что это случится, увы, невелики.

Примечания

[1] «Прием в вузы: Суррогат качества?» в: Richard H. Hersh, John Merrow. Поэтапная деградация: Высшее образование в зоне риска (*Declining by Degrees: Higher Education at Risk*). Palgrave Macmillan. 2005. P. 40.

[2] Cornell не включен в списки, потому что большинство его абитуриентов нацелено на менее конкурентные программы узкопрофессионального обучения.

[3] «Да, мы охотимся за студентами-евреями, — подтвердил президент Vanderbilt в *The Wall Street Journal*. — Это не программа аффирмативных действий. Это желание заполучить хорошие мозги». См. Daniel Golden. В погоне за увеличением рейтинга колледжи рекрутируют студентов-евреев. *The Wall Street Journal*, April 29, 2002.

[4] Исключение составляет MIT, который предоставляет финансовую помощь 71% своих студентов. В Йеле такую помощь получают только 39%.

[5] Спортсмены и академия (“Jocks and the Academy”). *The New York Review*, May 12, 2005. Упомянутые в этой статье команды представляют лишь некоторые из 34 межуниверситетских видов спорта, практикуемых в Dartmouth.

[6] В исследовании Stacy Dale и Alan Krueger проводилось наблюдение над двумя группами студентов. Одна училась в очень престижных колледжах; другая тоже получила возможность туда поступить, но остановила свой выбор на вузах менее высокого ранга. Выяснилось, что по окончании институтов обе группы получали примерно одинаковую зарплату; это свидетельствует о том, что для хороших студентов не так уж важно, где они учатся. См.: «Оценка доходов выпускников наиболее престижных вузов». (Industrial Relations Section, Princeton University, 1999).

[7] На сайте Hillel Web можно найти оценки количества студентов-евреев в каждом кампусе. Например, по этим данным, 27% учатся в Колумбийском университете, 25% — в Йеле и 21% — в Brown. Согласно этим цифрам получается, что студенты-евреи и студенты-азиаты вместе составляют 51% от общего числа студентов в Гарварде и 54% — в Penn.

[8] См.: Jay Mathews. Американцы азиатского происхождения говорят, что в колледжах к ним предъявляют завышенные требования. *The Washington Post*, March 22, 2005. Чтобы увидеть ситуацию с точки зрения студента, см.: Rai Chan. Политика приема в вузы несправедлива по отношению к азиатам.

Daily Princetonian, November 29, 2004. Малколм Глэдвелл прослеживает, как изменялось соотношение между академическими и неакадемическими критериями при приеме в вузы с рубежа прошлого столетия до наших дней в: «Поступление: Социальная логика работы приемных комиссий Лиги плюща». *The New Yorker*, October 10, 2005.

[9] Степень загруженности студентов: пути к успехам в учебе. Center for Postsecondary Research, Indiana University. 2004. P. 22.

[10] «Колледжи: На грани исчезновения?» и «Какие опасности угрожают университету». *The New York Review*, March 10 and March 24, 2005.

[11] Свободное образование: Связанные одной цепью (“Liberal Education on the Ropes”). *Chronicle of Higher Education*, April 1, 2005, P. B8.

[12] Integrated Postsecondary Education Data System. Статистические данные за осень 2003.

[13] См.: Marcia Angell. Продается ли академическая медицина? *The New England Journal of Medicine*, May 18, 2000, PP. 1516–1518. На ее взгляд, похоже на то.

[14] Статистическая информация о медицинских вузах и обучающих больницах (*teaching hospitals*). Association of American Medical Colleges, 2005. PP. 8, 34.

[15] «Как обучение старшекурсников в колледжах стало синекурой» в: Hersh и Merrow. поэтапная деградация (*Declining by Degrees*), pp. 139–140.

[16] Американская ассоциация профессоров университетов. Ежегодный отчет об экономическом положении представителей этой профессии. (*Annual Report on the Economic Status of the Profession*), 2004–2005.

[17] «Старение преподавательского состава». *Chronicle of Higher Education*, June 3, 2005, PP. 6–8.

Табл. 1

Золотая дюжина: заявления, экзамены и стоимость

Прошли по конкурсу*	Зачислены**		Баллы, комбинированные по системе SAT***	Стоимость обучения*** *
10%	78%	Гарвард	1590	\$30,620
10%	73%	Принстон	1560	\$29,910
11%	67%	Йель	1540	\$29,820
11%	62%	Колумбия	1510	\$31,472
13%	79%	Стэнфорд	1560	\$30,227
16%	58%	Браун	1500	\$31,334
16%	59%	Мичиган	1530	\$30,800
18%	41%	Амхерст	1540	\$31,364
18%	50%	Дартмут	1530	\$30,576
20%	63%	Пенн	1510	\$30,716
21%	48%	Уильямс	1510	\$30,990
23%	42%	Дюк	1520	\$30,720

* Процент соискателей, прошедших по конкурсу;

** Процент реально зачисленных по отношению к прошедшим по конкурсу;

*** Низшие комбинированные баллы по устным предметам + математика для четверти абитуриентов с лучшими показателями за выпускной класс школы в 2004 г.;

**** Стоимость обучения плюс налоги в 2004–2005 гг.

Примечание. В целом 171 824 соискателя подали заявления в 12 колледжей; 25 862 студента прошли по конкурсу; в конечном итоге зачислены 15 324.

Источники: Баррон. Данные об американских колледжах. 2005.

Princeton Review. Лучшие 357 колледжей. 2005.

Табл. 2 Профессора, умеющие вдохнуть жизнь в свой предмет.
Преподаватели, оцененные студентами по шкале от 60 до 100 баллов

<i>Высокие показатели</i>		<i>Низкие показатели</i>	
Рид	99	УКЛА	61
Карлтон	99	Техас	65
Уэбэш	99	Мичиган	68
Миддлбери	98	Гарвард	69
Кэньон	98	Пенн	69
Амхерст	98	Беркли	70
Катамазу	97	Колумбия	70
Гриннел	96	Нью-Йорк	73

Источник: Ответы на анкету Princeton Review; в опросе участвовали 110 000 старшекурсников из 357 колледжей.

Табл. 3 Самые высокооплачиваемые: индивидуальные заработки
и общие фонды зарплаты

<i>Средняя зарплата полных профессоров в 2005 г.</i>	<i>Реальные изменения с 1985 г.*</i>		<i>Доля полных профессоров в 2005 г.:**</i>	
			<i>По отношению ко всем штатным должностям</i>	<i>По отношению к общему фонду заработной платы</i>
		<i>Частные</i>		
\$163,200	+44%	Гарвард	64%	67%
\$151,100	+52%	Принстон	66%	79%
\$148,500	+42%	Стэнфорд	62%	73%
\$140,400	+47%	Колумбия	57%	69%
\$131,200	+48%	Дюк	46%	60%
\$113,000	+32%	Амхерст	62%	73%
		<i>Государственные</i>		
\$121,800	+25%	Беркли	63%	74%
\$112,700	+36%	Северная Каролина	51%	62%
\$109,990	+34%	Техас	52%	67%
\$97,800	+38%	Висконсин	58%	67%

* Рост зарплаты дан с учетом инфляции.

** Доля полных профессоров рассчитана по отношению ко всем членам факультетов, работающим на полной ставке, а их зарплата — по отношению к общим бюджетам факультетов. На американском рынке труда с 1985 г. заработная плата возросла, с учетом инфляции, на 2%.

Источники: Американская ассоциация университетских профессоров;
Бюро трудовой статистики